

СТЮАРТ ЛЬЮИС

СТЮАРТ ЛЬЮИС

**У ВАС СЕМЬ НОВЫХ
СООБЩЕНИЙ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Л91

Stewart Lewis
YOU HAVE SEVEN NEW MESSAGES

Печатается с разрешения литературных агентств
Curtis Brown, Ltd. и Synopsis

Дизайн обложки *Екатерины Климовой*

Льюис, Стюарт.

Л91 У вас семь новых сообщений / Стюарт Льюис ;
[пер. с англ. А. Скибиной]. — Москва : Издательство
АСТ, 2015. — 288 с. — (Виноваты звезды [покет]).

ISBN 978-5-17-091582-8

Луна — дочь знаменитого кинорежиссера и топ-модели. Через год после смерти матери она случайно находит ее мобильный телефон, а в нем — семь новых сообщений. Семь поводов разобраться в том, что произошло. Семь причин отделить правду от лжи.

От привычного Манхэттена до незнакомого Парижа — каждое сообщение ведет Луну к новым открытиям, новой дружбе, новой любви...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Copyright © Stewart Lewis, 2011
© А. Скибина, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2015

ISBN 978-5-17-091582-8

*Быть хочу среди тех, кто тайн Твоих господин,
или — один.*

Райнер Мария Рильке. Часослов

*Тебя нет, и это знание во мне,
Как нитка в иголке —
Чтобы я ни делал, везде оно оставляет след.*

У.С. Мервин

ГЛАВА 1

Немного обо мне

Может быть, мне и четырнадцать, но я читаю «Нью-Йорк таймс». Я не ношу заколочки, не крашу свой сотовый лаком для ногтей и не схожу с ума по мальчикам. У меня нет подписки на «Твист», «Боп», «Флоп» или как там называются эти глянцевого журналы с постерами Джастина Бибера.

Знаю, я выгляжу младше своих лет, но только не называйте меня подростком. Так я чувствую себя запертой в аду, где насильно кормят диснеевскими конфетками и заставляют смотреть повторы «Ханны Монтаны». Но все осталось в прошлом. Кстати, кто придумал это имя? Я уверена, тот парень получает в год четверть миллиона долларов и ездит на «лексусе». Моя двоюродная сестра могла бы придумать имя получше. Ей пять, и она ездит на трехколесном велосипеде.

Я выросла на Манхэттене, в Верхнем Вест-Сайде. В детстве я думала, что наш водитель и есть мой отец. Он каждый день отвозил меня в школу и проверял, хорошо ли завязаны мои шнурки. Иногда водитель разрешал мне послушать «Нешнл паблик радио», пока

сам болтал с консьержем. Он, кажется, знал их всех — людей в отглаженных черных куртках, таких же внушительных, как и здания под их защитой. Но разумеется, он не был моим отцом.

Мой настоящий отец — режиссер. Когда я родилась, он достиг пика своей карьеры, потому мы почти не виделись. Отец постоянно снимал что-то в разных местах: в Африке, Японии, Австралии или Торонто. Сейчас некоторые кинокритики говорят, будто он исписался. Но мне кажется, люди становятся кинокритиками только потому, что у них не получилось стать кинорежиссерами. Себя я знаменитой не чувствую. Когда в «Вэнити фэйр» появилась наша фотография с премьеры его последнего фильма, моя учительница английского, мисс Грей, со свойственным ей энтузиазмом вырезала фото и прикрепила к доске. Сначала я была в восторге, но потом мне стало как-то не по себе. В конце концов я пробралась в класс после уроков и согнула снимок так, чтобы был виден только отец — его сияющее лицо, черные как смоль волосы и очки в тонкой оправе, которые, кажется, постоянно сползают с носа. Это его должны все узнавать. Отец всю жизнь смешивает актеров, сценаристов, операторов и монтажеров в большом блендере под названием «кинематограф», и в результате получается фильм. А я только шла рядом с ним и держала шпаргалку, когда он произносил речь.

Мой младший брат Тайл был слишком маленьким, чтобы пойти с нами на ту премьеру. Его называли так потому, что мама, беременная им, спасалась от тошноты, лежа на испанской плитке у нас в ванной*. Его часто называют Кайлом, и он обижается.

* От *англ.* Tile — плитка. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Мой дядя, университетский профессор, живет в Италии. На десятый день рождения он подарил мне маленькую книжечку сонетов Шекспира, и иногда я читаю Тайлу свои любимые. Ему всего десять, но брат делает вид, что понимает. Думаю, ему нравится, как мелодично сочетаются слова. Тайл — хороший слушатель и почти всегда позволяет мне оставаться одной по первой просьбе. Если бы вдруг прилетел джинн и предложил выбрать какого угодно младшего брата, я предпочла бы оставить Тайла. От него хорошо пахнет, он никогда не разговаривает с набитым ртом и никому не выдает мои секреты.

Вот, кстати, один: я помню, как сказала, что не схожу с ума по мальчикам, потому что они непредсказуемые и неопрятные, но есть один, за которым я наблюдаю с восьми лет. Он очень аккуратный. Живет в доме напротив. Ходит в школу где-то за городом. Мне нравится думать, что она расположена в каком-то экзотическом месте вроде Барбадоса. За семь лет сосед сказал мне не больше десяти слов. Иногда, читая сонеты Шекспира, я думаю о его гриве светлых с рыжеватым отблеском кудрей и о том, как он размахивает своей школьной сумкой.

Он на год старше меня, и его зовут Оливер. Он ходит со странным изяществом, будто плывет над землей. А еще Оливер так хорошо играет на виолончели, что волосы на руках встают дыбом.

Иногда я лежу на кровати и представляю, будто его музыка написана только для меня и в окно вливается посвященная мне серенада. Музыка воспринимается лучше, если слушать ее, закрыв глаза.

ГЛАВА 2

И их осталось трое

У нас с Тайлом весенние каникулы, у водителя выходной, так что мы втроем едем на метро в зоопарк Бронкса. Мне нравится разглядывать людей в поезде, и я всегда пытаюсь подслушать, о чем они говорят. Я замечаю, что ноги Тайла свисают с сиденья, не касаясь пола. Мои доставали до пола, когда мне было шесть. Все думают, что быть высокой здорово, но только не тогда, когда ты маленькая девочка. Однажды я попыталась заговорить с мальчиками на нашем школьном балу, для этого мне пришлось сесть на корточки, будто я их тренер по баскетболу.

Колеса поезда издают громкий скрежет, и Тайл движется ближе к папе. Наверное, это наш первый выход в качестве семьи из трех человек. Я разжимаю кулаки и смотрю на свои руки — такие же тонкие и хрупкие, как у матери. Я вспоминаю последнюю строчку из стихотворения, листок с которым висит у отца в кабинете: «Ни у кого, даже у дождя, нет таких маленьких рук». Наверное, автор хотел сказать, что каждый —

единственный в своем роде. Каждая капля дождя, каждая пара ладоней, каждый человек в этом поезде.

Когда, почти год назад, отец приехал в мой летний лагерь в Нью-Хэмпшире, я сразу поняла: случилось нечто ужасное. Мы шли под парусом на озере, и неожиданно я увидела его на причале. В это время он должен был быть на съемках в Шотландии. Заметив рядом с ним директора лагеря, который изо всех сил махал моему водителю, чтобы тот правил к берегу, я уже была уверена: что-то случилось. Как только мы пристали к берегу и я выпрыгнула из лодки, отец опустился на колени и обнял меня так крепко, что я почти не могла дышать.

— Твоя мама ушла и никогда не вернется, — прорыдал он мне в волосы. Слова, казалось, застревали у него в горле. Я никогда не видела его в таком состоянии и тут же поняла, что она ушла навсегда — умерла, а не сбежала, не переехала в другой город.

— Что?

— Несчастный случай. В городе. Ее сбила машина...

Мне хочется ударить его. Как он может это говорить? Как могло произойти то, что моя мама, такая полная жизни, неожиданно умерла? Люди каждый день гибнут на дорогах Манхэттена — но только не моя мама.

Неожиданно этот мир показался таким несправедливым. Я посмотрела на деревья, окружавшие озеро, на облака в небе — все это медленно потускнело.

— Как думаешь, она на небе или под землей? — спросила я.

Кажется, он ответил: «И там и там», но, может быть, мне просто показалось.

Я не могла плакать. Помню, как я смотрела на свое отражение в воде и думала о Нарциссе, который умер,

влюбившись в свое собственное отражение. Я могла бы умереть прямо там. Мысль о том, что придется жить без кого-то, кого так любишь, как пара огромных ладоней, сжимала мое сердце. Оно становилось все меньше и меньше, до тех пор пока не осталось только воспоминание о тепле. Подобно тому, как солнце светит в окно и его лучи с течением дня движутся все дальше и дальше по комнате, пока не наступает ночь, и единственное, что тебе остается, — вспоминать, как выглядели солнечные зайчики на полу.

ГЛАВА 3

Правда

Всю дорогу домой из зоопарка мне кажется, что люди вокруг обсуждают отца. Мне хочется встать и посоветовать им заняться своими собственными делами. Обычно из трагедии, произошедшей с известным человеком, раздувают скандал. Люди не понимают, что мой отец, снявший несколько хороших фильмов, в глубине души так же уязвим, как и все остальные.

Мама однажды сказала, что правда, как кожа — красивый защитный покров, а то, что говорят люди, — это одежда, которую можно сменить. Она считала, что правда идет из сердца.

Когда мне было десять, прошел слух о связи отца с несовершеннолетней актрисой, с которой он, как выяснилось, даже не был знаком. Школа превратилась в настоящий ад — меня все сторонились. Удивительно, какими доверчивыми и злыми могут быть люди.

Однажды утром мама ворвалась на урок физкультуры и забрала меня. Она наградила учителя своим взглядом, тем самым, которым смотрела в камеры по

всему миру: не стойте у меня на пути. Мама не сказала, куда мы едем. Дорога заняла два часа. Это был дом ее друга на реке Гудзон, с верандами, на которых стояли старинные кровати. Он оказался шеф-поваром и приготовил нам пасту с сыром и стружкой трюфеля.

Мама воспользовалась старым знакомством с техником из школы и попросила его отправить по факсу все мои домашние задания. Так она помогла мне справиться с этими слухами: устроила на неделю обучение на дому. Я пребывала в восторге, но скучала по Тайлу. Он тогда был таким миленьким маленьким комочком.

В последний вечер все вокруг было залито лунным светом. Мы с мамой ели мороженое на веранде. Одно из событий, которое запомнилось во всех деталях. Мятное, с шоколадной крошкой. Три лодки, одна из них под названием «Лови волну». Там, перед гладкой рекой, блестящей в лунном свете, как зеркало, мама и сказала мне те самые слова про правду.

— Но как узнать, что на самом деле правда? Есть какая-то книга, где написана вся правда?

Она рассмеялась. Когда моя мать смеялась, она была похожа на ангела, так считал отец. Она смотрела вверх, чуть прищурив большие глаза, и слегка трясла головой, как веселый пес.

— Эта книга здесь. — Она положила руку на мое сердце.

— Да, но почему люди выдумывают разные вещи?

— Им скучно, или они не уверены в себе. Однажды на каком-то сайте опубликовали глупую сплетню обо мне. Я жутко разозлилась, так же, как и ты на этих ребят. А потом, помню, я пошла на презентацию, кажется, каких-то духов... не важно! В любом случае там были все эти знаменитости, и никто из них не смотрел

на меня косо, никто из них не поверил слухам. И я поняла, что о многих пишут сплетни, но они выше этого, понимаешь? Они уверены в себе.

— То есть?

Она повернулась ко мне и провела по моей щеке кончиками пальцев.

— Помнишь, как ты хотела надеть ту огромную зеленую шляпу? Ты нашла ее на студии у папы.

— Помню.

— Мы попытались отговорить тебя надеть ее в школу, но ты была непреклонна в своей решимости. Это и есть уверенность в себе.

— Скорее глупость.

Она опять рассмеялась, и сквозь ее черты проявился ангел. Затем она сделала серьезное лицо:

— Выбор не бывает глупым, если это твой собственный выбор. А ты... Ты самая прекрасная девочка на свете, и внутри и снаружи. Не позволяй никому отнимать у тебя свободу выбирать сердцем. Твой выбор и делает тебя единственной в своем роде.

Она меня немного запутала, но основной смысл я поняла.

— То есть если искренне хочешь выглядеть как лягушонок Кермит — пробуй!

На этот раз рассмеялась я. Тут послышался шорох гравия. Приехал наш водитель. Я помню, как мы с мамой побежали навстречу машине. Я надеялась, что он привез Тайла, но это приехал отец. Он сбежал со съёмочной площадки, чтобы побыть с нами. У него с собой был большой букет цветов для мамы и огромный леденец на палочке для меня. Я схватила сладость и забралась в гамак.